

СОВЕРШЕННО
НЕ СЕКРЕТНО

ЕВГЕНИЙ ШМАГИН

У НАС
В ПОСОЛЬСТВЕ,
ИЛИ
ДИПЛОМАТЫ
ТОЖЕ ЛЮДИ!

Евгений Шмагин

**У нас в посольстве, или
дипломаты тоже люди!**

«Алисторус»

2018

УДК 82-94
ББК 84 (2Рос-Рус) 6-4

Шмагин Е. А.

У нас в посольстве, или дипломаты тоже люди! / Е. А. Шмагин —
«Алисторус», 2018

ISBN 978-5-906995-47-6

Автор Е.А. Шмагин за почти пять десятилетий дипломатической службы прошел все ступени должностной лестницы от референта-переводчика до Чрезвычайного и Полномочного Посла. Своим читателям он говорит: «Если вы немножко интересуетесь миролюбивой внешней политикой России, но не желаете ограничиваться строгими сообщениями пресс-службы МИД РФ, если вам неважно, как бурным потоком низвергающиеся с экранов и репродукторов с утра до вечера, а к тому же если вы хотели бы узнать о буднях отечественной дипломатии – дня сегодняшнего и недавнего прошлого – чуть-чуть побольше и подостовернее того, как жизнь их и работу изображают «мыльные оперы» государственного телевидения, то, возможно, есть смысл взять в руки эту книжку». Стоит добавить, что читатель получит эстетическое удовольствие от проникновенного и полного юмора авторского стиля.

УДК 82-94

ББК 84 (2Рос-Рус) 6-4

ISBN 978-5-906995-47-6

© Шмагин Е. А., 2018

© Алисторус, 2018

Содержание

От автора	6
Счастлирое число Славина	7
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Евгений Шмагин
У нас в посольстве, или
дипломаты тоже люди!

*Давая возможность авторам высказаться,
Издательство может не разделять мнение авторов.*

© Шмагин Е.А., 2018

© ООО «ТД Алгоритм», 2018

От автора

Если вы, уважаемые читатели, немножко интересуетесь миролюбивой внешней политикой России, но не желаете ограничиваться строгими сообщениями пресс-службы МИД РФ, если вам невмоготу страстные эмоциональные дебаты политологов и депутатов, бурным потоком низвергающиеся с экранов и репродукторов с утра до вечера, а к тому же если вы хотели бы узнать о буднях отечественных дипломатов – дня сегодняшнего и недавнего прошлого – чуть-чуть побольше и подостовернее того, как жизнь их и работу изображают «мыльные оперы» государственного телевидения, то, возможно, есть смысл взять в руки эту книжку.

В 2015-м году, возвратившись из последней заграничной командировки и испытав горечь отставки, я опубликовал объёмные, аж на 528 страниц убогим шрифтом, воспоминания о долгой, длинной в 43 года, дипломатической жизни. Назывались они «Трусцой по мидовским дорожкам». Их перевели на немецкий и издали в Германии, с которой связана основная часть моей биографии. Это было искреннее объяснение в любви родному МИДу и дипслужбе нашего государства, но признание по Лермонтову: «Люблю отчизну я, но странною любовью...» От других мемуарных изданий сочинение моё отличала необычно высокая степень откровенности, а она, как вы, наверное, догадываетесь, никогда не была в почёте ни на столичной Смоленской, ни на всех других площадях нашего замечательного, дорогого сердцу отечества. В укор мне поставили «ну слишком уж субъективные» оценки отдельных фактов и некоторых действующих лиц моей дипломатической эпохи.

Друзья, которым книжка та скучной не показалась, уговорили продолжить пробу пера. Я последовал этому совету, но теперь уже не в документальной, а в художественной форме. Так что в отличие от первого опуса с реальными событиями и именами ныне я торжественно заявляю: всё, излагаемое ниже (за исключением крошечных главок в конце о периоде моей жизни, предшествовавшей службе в МИДе, которые творчески заимствованы из вышеупомянутой книжки воспоминаний), следует рассматривать как сплошной вымысел, плод фантазии автора, не имеющий под собой никаких оснований, кроме как четырёх десятилетий бега трусцой по мидовским дорожкам. Совпадение же или сходство фамилий некоторых персонажей с существующими на самом деле видными фигурами советской и российской дипломатии надлежит считать исключительно случайным.

Счастливые число Славина

«При-ни-ма-ем почту!» Добродушный голос Ивана Колодяжного звенел как всегда серебряным колокольчиком. Из всей команды дежурных комендантов этот рослый парень нравился Глафире Игнатьевне больше других. Не чета вечно смурному, ершистому Аркашке Суркову, любителю пожить за чужой счёт, или простосердечному, но хитроватому Лёньке-брательнику, получившему прозвище за пристрастие именовать всех, кроме старших дипломатов, «брательниками» («Брательник, сигареткой не угостишь?», «Брательник, дай взаймы до получки»). А про других и говорить не пристало. Не те нынче пошли стражи-дозорные наши, явно не те. Разве можно чувствовать себя спокойно внутри посольской ограды, коль ночные дежурные норовят вздремнуть на боевом посту? Как их на должности-то такие серьёзные отбирают? Куда смотрит офицер безопасности?

Впрочем, заведующая канцелярией, дородная, в продвинутом возрасте, но молодящаяся дама, по стажу работы в мидовской системе превосходившая любого сотрудника посольства, включая его предводителя, питала недоверие и ко всем остальным сослуживцам. Если бы директором была она, то решительно и немедля разогнала бы две трети персонала. Распоясались, вольничают, дисциплины никакой, не знают, черти, как вкалывали на службе лет двадцать назад, не испытали на себе крутизну некогда бытовавших требований. Ушли, к сожалению, в прошлое те времена, былинные времена... А сегодня всё катится по наклонной, надёжных работников можно пересчитать по пальцам: раз-два и обчёлся. Среди передовиков, конечно, и Колодяжный. Поэтому когда крепкие руки бережно опустили объёмное пластмассовое корыто на широкий стол перед входом в машбюро, завканц не могла сдержать одобрительной улыбки: «Спасибо, Ваня, заждались. Проверил, надеюсь, тщательно, ничего не взорвётся? Иди, дорогой, отдыхай после ночной смены».

Короб, до отказа набитый письмами и бандеролями, теперь предстояло кропотливо рассортировать, как это делалось Глафирой Игнатьевной изо дня в день. Процедура сия особых хитростей не содержала. Поступившую в посольство корреспонденцию надлежало просто-напросто разложить по ячейкам на длинной многоярусной полке, дабы каждый из сотрудников мог, не опасаясь за утрату строго оберегаемой конфиденциальности, взять в руки адресованное лично ему послание. В самой канцелярии вскрывали отправления только на имя посла да те, на которых не значилась конкретная фамилия получателя. Через пару дней государство пребывания собиралось встречать Рождество, а следом за ним Новый год. В здешней заграничной жизни у каждого из дипломатов великой страны были свои предпочтения. Одним кое-что нравилось, другим не нравилось многое, третьи категорически отвергали почти всё. Но абсолютное большинство объединяла любовь к этому замечательному времени года, когда чёрно-белые будни каким-то волшебным образом неожиданно превращались в разукрашенную цветными огнями сказку. Родина, забывшая про Рождество, предложить своим гражданам такие чудеса пока не могла.

Накануне праздников здесь испокон веков было принято обмениваться поздравлениями, поэтому в предрождественские дни местные почтовые отделения работали в режиме чрезвычайной перегрузки. В такое время и посольская почта по обыкновению превышала норму в несколько раз. Сегодняшние письма – последние в уходящем 1979-м году. Не успевшие своевременно добраться до адресатов пламенные приветы и искренние пожелания поступят уже в начале января, так заведено. Промежуток времени между Рождеством и Новым годом в здешних трудящихся массах с давних пор рассматривался в качестве отпускного периода, редкие заведения функционировали как в обычные дни, преимущественно отдыхала, отчаявшись разгрести завалы, и почта.

Опытная заведующая канцелярией по привычке быстро и чётко раскладывала по назначению тонкие и толстые пакеты. Основная часть представляла собой праздничные открытки в ответ на поздравления посла и посланника, рассылавшиеся, в соответствии с правилами протокола, пару недель назад. Ничего необычного в этом явлении не было – переписка с официальными организациями и отдельными гражданами всегда входила в прерогативы руководящего звена. Не остались, однако, обделёнными и рядовые сотрудники. Число полученных на Рождество поздравлений издавна рассматривалось верным мерилom эффективности работы того или иного дипломата. И, судя по этому показателю, стахановцев в посольстве хватало. Как обычно, в почте оказалось немало брошюр с рекламой различных товаров. Прибывавших с родины «на новенького» молодых и зелёных коллег, пока не успевших в полной мере проникнуться спецификой местного образа жизни, эта колоритная, шикарно изданная продукция привлекала далеко не в последнюю очередь. Но и среди старожилов посольства рекламные буклеты, в особенности с волшебным словом «распродажа», пользовались повышенным спросом и в мусорный ящик отправлялись только после досконального изучения, под лупой и с калькулятором.

Хозяйка посольского делопроизводства пропустила через свои руки не одну тонну всевозможных почтовых отправок. Их главной ценностью Глафира Игнатьевна считала, конечно, не содержимое, сколь бы увесистым оно ни было, а скромную деталь упаковки в виде малюсенькой четырёхугольной бумажки, наклеенной в правом верхнем углу. В те годы увлечение коллекционированием почтовых марок охватило весьма широкие круги советского общества. Однако на отечественном рынке филателии, закрытом от внешнего мира, царил такой же дефицит предложения, как и на всех других. Работники загранпредставительств старались чуть-чуть восполнить нехватку заветной продукции, порадовать крохотными сувенирами хотя бы своих близких друзей и знакомых. Немаловажное значение имело и то обстоятельство, что доставались они бесплатно, поскольку просто-напросто срезались с поступавших в посольство в большом количестве писем. Пристрастившихся к этому хобби насчитывалось немало. Марки собирали и заядлые профессионалы, и любители, непреднамеренно поддавшиеся общей стихии коллективизма. И те и другие стремились заручиться дружеским расположением влиятельной особы из канцелярии, исполнявшей роль почтмейстера и распорядившейся столь сказочным богатством.

Завканц умело использовала монопольные позиции в собственных интересах, твёрдо руководствуясь стержневым принципом дипломатии – взаимностью (в переводе на более понятный язык звучавшим как «ты – мне, я – тебе»). Количество аккуратно, дабы не поранить драгоценные зубчики, срезанных ею с конвертов марок, здешних и иностранных, дорогих и дешёвых, обыкновенных и экзотических, измерялось тысячами. В хлопотном хозяйстве под названием «документооборот», значимость которого, к сожалению, не все в посольстве могли оценить подобающим образом, начальница ощущала себя экспертом высшей квалификации. Ассортимент местной почтовой утвари, всех этих бандеролей и пакетов, ярлыков и штемпелей, она научилась идентифицировать с первого взгляда, метко распознавая своим профессиональным взглядом всё подозрительное и нестандартное. Вот и на сей раз острый взор Глафиры Игнатьевны привлёк диковинный красочный конверт с необычной маркой, светившийся всеми цветами радуги. На его левой половине жирным шрифтом была пропечатана загадочная цифра «1».

В качестве получателя неординарного послания значился «господин Славин Фёдор». Атташе Славина в посольстве уважали, несмотря на его молодость, неопытность и замкнутость. Он не лез на рожон, стремился не выпендриваться, был почтителен со старшими, вроде бы не рыл коллегам ямы и в меру возможного проявлял готовность оказать помощь – подменить на дежурстве, подбросить на служебном автомобиле в магазин или аптеку, а то и милостиво взять на экскурсию в другой город. У немоторизованных посольских жителей последняя услуга рас-

ценивалась как знак особого доверия. По возвращении на родину всем хотелось похвастаться как можно более развёрнутыми впечатлениями о пребывании за рубежом, но подобрать такие удавалось не каждому. Вырваться в сопредельные государства, хотя они располагались под боком, в те годы железной дисциплины и чекистской бдительности считалось делом абсолютно нереальным. Такие поездки строго-настрога запрещались инструкциями ЦК. Даже остро необходимый выезд по служебным делам надлежало заблаговременно согласовывать с центром. Да и путешествия по территории государства, в котором судьба начертала представлять интересы отечества, были сопряжены с преодолением подчас непреодолимых барьеров.

Согласно правилам, доминировавшим в ту мирную эпоху холодной войны, посещение сотрудником советского посольства другого города за пределами отведённой зоны обитания предполагало предварительное оповещение местного министерства иностранных дел в виде специальной ноты с указанием полного маршрута, мест остановок, размещения и прочих пикантных подробностей. А перед этим требовалось получить разрешение на выезд со стороны собственного руководства. Оно-то во многих случаях и становилось основным камнем преткновения. Вопросы «А зачем, а почему, а что ты там не видал?» интересовали ответственных в представительстве лиц не в меньшей мере, чем враждебные спецслужбы. Федька Славин принадлежал к тем скромным мастеровым, которым каким-то непонятным образом удавалось уговорить строгих начальников дать добро на поездки за пределы столицы. А как ещё прикажете расширять деловой кругозор (о чём проели плешь на производственных совещаниях), если не изучать достопримечательности близлежащих населённых пунктов? Иногда по доброте душевной он позволял присоединиться к его семейной компании и завканцу.

С учётом этих и других обстоятельств Глафира Игнатьевна также испытывала к Фёдору некоторое чувство симпатии сродни материнской. На своём специфическом уровне она старалась защитить того от нападков его непосредственного руководителя – советника, вечно недовольного и ворчавшего по любому поводу. Такие мерзкие личности, люто-бешено ненавидевшие и откровенно презиравшие всех, кто ниже статусом, составляли на советской дипслужбе микроскопическое меньшинство, но всё-таки водились и в центральном, и в заграничном аппарате. В покровительстве, хотя бы и со стороны канцелярии и машбюро, обладавших правом всего лишь совещательного голоса, молодой сотрудник, впервые выехавший на работу в посольство и ещё не шибко освоившийся в интригах заграничной обстановки, явно нуждался. Вследствие, очевидно, врождённой застенчивости и неважнецких языковых знаний, т. е. недостаточной развитости двух существенных предпосылок успешного дипломатического труда, Славин за два года командировки так и не смог разжиться полагавшимися знакомствами в местных политических кругах. Неприличный факт сей советского дипломата, безусловно, не украшал, на что ему не раз указывалось на партийных собраниях.

Поэтому Фёдору редко приходила корреспонденция со стороны. Ячейку напротив его фамилии заполняли преимущественно здешние газеты с поступающей из центра по международной почте «Правдой» (оформлять на неё подписку за кровные валютные обязательства весь персонал) да всё та же реклама. С местной прессой он по распределению обязанностей должен был знакомиться каждое утро и о стоящих публикациях докладывать наверх, что случалось, честно говоря, нечасто. Конкуренты равного должностного уровня днями, а иногда и ночами бороздили открытые и закрытые просторы государства пребывания. А этот чудак, невзирая на советы старших и опытных сослуживцев, предпочитал просиживать штаны в душных посольских стенах. Общение с окружающей средой протекало главным образом на перекурах в компании себе подобных. В те непросвещённые годы табачный дым в посольстве, внутри и снаружи, стоял коромыслом. По численности товарищество курильщиков уступало только абсолютному и беспрекословному лидеру – партийной организации, противников никотина можно было пересчитать по пальцам. Поэтому прибытие странного послания на имя скромняги атташе, до сих пор не замеченного в широких связях с местными гражданами, заведую-

щая канцелярией, как один из наиболее осведомлённых членов коллектива, посчитала далеко не рядовым событием. О чём она, любопытством распираемая, не преминула тут же оповестить адресата.

Примчавшийся на зов Фёдор или, как его величали всё чаще, Фёдор Петрович мгновенно охладил пыл своей доброжелательницы, разочаровав её в высшей степени. Ничего-то необычного в отправлении, оказывается, нет и быть не может. И конверты такого формата и такой расцветки он, дескать, где-то уже видел, они только у нас на родине все на одно лицо, и почтовые марки этой серии давно в ходу, хотя выпущены, что правда то правда, ограниченным тиражом. Во всяком случае в его личном портфеле одна такая уже имеется. Цифирь разную, как и прочие украшения, впаривать на почтовые отправления здесь тоже умеют. А вместо того, чтобы изумляться, надо было, многоуважаемая и горячо любимая Глафира ибн-Игнатьевна, всего-навсего повнимательнее взглядеться в обратный адрес, где и таилась вся незамысловатая разгадка.

Письмо на самом деле пришло из компании, название которой в совколонии было у всех на устах. Она специализировалась на том роде деятельности, который в Союзе именовался «товары – почтой». Правда, в сравнении с отечеством, где едва ли не все предметы повседневного обихода постепенно переходили в разряд труднодоступных или вообще недосягаемых, это предприятие не только располагало в своём ассортименте тысячами мелких и крупных товаров, но и настоятельно предлагало (если не сказать – навязывало) приобрести их всем желающим. Два раза в год цветной фотоперечень всех этих сокровищ с точным указанием цен, размеров и прочих параметров изображался в каталогах, распространявшихся повсеместно, свободно и безвозмездно. Такие тяжеленные книги на родине воспринимались прежде всего в качестве журналов мод и пользовались невероятным спросом у спутниц жизни, официальных и неофициальных, начальников всех мастей. Поэтому после выхода в свет очередного тома несколько десятков экземпляров тут же отправлялись по различным московским адресам дипломатической почтой, вследствие чего её объём и вес увеличивался в разы. Помнится, в первый свой отпуск Фёдор также привез в родительский дом сей толстенный фолиант, и тот произвёл эффект куда больший, чем все другие, казалось бы, более ценные материальные подарки. «Неужели всё это можно вот так запросто купить?» – недоумевали родные и знакомые. Капиталистическое слово «купить» на финише тех тишайших времён застоя начинало исчезать из русского языка. Его постепенно вытесняло социалистическое «достать».

Услугами упомянутой посылочной фирмы в посольстве пользовались все без исключения, вне зависимости от возраста, пола, должностного положения и ведомственной принадлежности. Не соблазниться на сказочно полезную вещь, кем-то вначале случайно обнаруженную среди тысяч наименований каталога, а затем приобретенную по выписке и старательно разрекламированную в многоэтажном посольском общежитии, было абсолютно невозможно. Поэтому заказы от внушительного сообщества советских дипломатов поступали на посылочный конвейер весьма внушительным числом. Подозрительно тесные связи совграждан с организацией, олицетворявшей нехорошие идеалы капитализма, не беспокоили даже партком, организатора и вдохновителя всех побед на дипломатическом фронте. В условиях неприятельского окружения партийная организация своей первостепенной задачей рассматривала укрепление стабильности в коллективе посольства. Стабильность, стабильность и ещё раз стабильность – на её упрочение и совершенствование направлялись все силы. Разоблачение пороков чуждого социализму общества временно отступало на задний план. Тем более что пороки эти удавалось разглядеть – обман зрения – исключительно на расстоянии, но никак не лицом к лицу. В непосредственном соприкосновении язвы капитализма куда-то исчезали, превращались в нечто безликое и неразличимое, хотя из далёкой Москвы ещё недавно были видны даже невооружённым глазом.

В суровых условиях зарубежья считалось поэтому куда более важным обеспечить дальнейшее сплочение дружной посольской команды в её расширенном понимании. Кроме командированных из центра «рабочих лошадок», т. е. сотрудников с так называемыми расчётами-аттестатами, на основании которых выплачивалась валютная зарплата, команда эта включала, причём в качестве серьёзнейшего элемента, членов семей – детей и, в особенности, супруг. На них, правда, зарплата не полагалась. Но если упомянутые члены выезжали на родину, хотя бы на несколько дней, глава семьи на этот же срок автоматически лишался пятой части оклада. Двадцать процентов изначально удерживалось с полочки и всех холостых. Таким простым и немудрёным способом советское государство стимулировало гармонию семейной жизни совзагранработников.

Партком же заботился о том, чтобы ни одна из женщин представительства не чувствовала себя обделённой, не испытывала зависти и прочего дискомфорта вследствие появления у соседки вещицы, которой пока не удалось разжиться ей самой. В соответствии с этой установкой лучшей половине посольского коллектива надлежало предоставить равные возможности в деле пополнения семейных закромов. Такое равенство и братство в условиях полнейшего отсутствия товарного дефицита могли гарантировать только в посылочной компании. И не беда, если бриллиантик в одну десятую карата, в каталоге сверкавший всеми огнями фейерверка, на поверку, по получении с трепетом ожидавшейся посылки, оказывался едва различимым осколком некоего стеклоподобного материала, к тому же не вполне удачно вставленным ювелиром в тонкий кружок золотого колечка. Зато как у других!

Клиентами посылочной фирмы числились и Славин. Несмотря на периодическое ворчание мужа, а иногда и назло ему Наташа выписывала всю ту же, как правило, бесполезную ерунду, что и все посольские жёны. Заказы обычно оформлялись на имя супруга. Поэтому он ничуть не удивился тому, что партнёр и одновременно пожиратель части семейных доходов вознамерился поздравить с наступающими праздниками. Такая практика в полной мере соответствовала традициям взаимоотношений внутри здешнего гражданского общества. В эпицентре отечественного мироздания, как учили со школы, возвышался человек, которого обязывали быть его соплеменнику другом, товарищем и братом (между прочим, эта замечательная заповедь, красиво звучащая по-русски, с трудом поддавалась переводу на иностранные языки). А здесь, в буржуазном заграничье обходились иными, весьма странными, бездуховными понятиями, отсутствовавшими в библии советской жизни – моральном кодексе строителей коммунизма, – вели речь вроде как и не о людях вообще, а только о продавцах и покупателях. Потребитель, мол, – главный двигатель жизни, он, дескать, – и друг, и брат и всё такое прочее, за клиента надлежит бороться, а продавцу следует если и не мыть тому ноги по вечерам, то время от времени хотя бы напоминать о себе, поддерживать дружеские связи любыми способами. Фёдор не очень хотел разбираться, кто в какой системе ценностей прав более, а кто менее. По собственному, не ахти какому опыту он не без оснований предполагал, что в системе мидовских ценностей такие сравнительные разборки в любом случае не поощрялись. Но получить в знак признательности даже самый скромный пустячок было приятнее всех пустопорожних и набивших оскомину лозунгов.

Предчувствие не подвело. В письме, осторожно вскрытом за рабочим столом в родном кабинете, на самом деле содержались слова благодарности за доверие, оказанное фирме в истекшем году в виде многочисленных заказов («Надеемся, что их исполнение удовлетворило Вас в полной мере как в части сроков, так и по качеству изделий»). Кроме того, на высококлассной мелованной бумаге (в МИДе такую именовали «верже» и вследствие её дороговизны использовали главным образом для сочинения докладов в высшие инстанции) высказывались, как и полагается в таких случаях, наилучшие поздравления по случаю приближающихся праздников. Выражалась также уверенность, что господин Славин и впредь останется в кругу верных

клиентов этой посылочной службы. Однако помимо этих трафаретных формулировок послание таило в себе ещё кое-что.

Фёдор Петрович, как уже упоминалось, владел языком государства пребывания отнюдь не в совершенстве. Но и его неполноценных знаний хватило, чтобы разобрать ключевой смысл сообщавшейся ему информации. Оказывается, фирма, товары которой время от времени приобретала его драгоценная супруга, в этом году в рекламных целях решила провести лотерею среди своих партнёров – покупателей. И вот главный из совсем не хилых призов размером в 1 000 000 (один миллион) денежных единиц страны пребывания выпал – о чудо! – на его, славинский, клиентский номер. Мгновенно прошибла мысль: ай да Глафира, ай да ясновидящая наша! Стало быть, как в воду глядела: то ли сквозь конверт узрела, то ли своим уникальным обонянием унюхала...

Фирма спешила поздравить счастливого обладателя этого необычайного выигрыша, от всей души желала распорядиться столь грандиозной суммой наилучшим образом. Далее в письме излагалась просьба для обеспечения быстрого и точного перевода денежных средств направить в бухгалтерию посылочного предприятия личные банковские реквизиты, причём в максимально короткие сроки. Кроме того, обращалось внимание на установленные государством требования в части уплаты причитающихся налогов и сборов. Господина Славина информировали также, что компания собирается обнародовать итоги розыгрыша, однако в строгом соответствии с положениями закона о защите персональных данных. На обратной стороне письма мелким шрифтом печатались обычные, насколько можно было судить, выдержки из соответствующих законодательных актов, регулировавших подобные лотереи, в том числе касательно процедур разрешения возможных судебных споров. К письму прилагался красочный банковский чек, на котором каллиграфическим почерком были выведены его фамилия (латинским шрифтом) и гигантская цифра (единица с шестью нолями). Правда, чек был не всамделишный, рекламный. Здесь же пояснялось, что вся сумма выигрыша поступит на его счёт безналичным образом в виде банковского перевода.

Несколько печатных строк на твёрдой жёлтой бумаге произвели в федькиной душе ошеломительный переворот, вызвали шквал чувств и буйство воображения. Славину стало понастоящему дурно, голова закружилась, задрожали коленки, остервенело забилось сердце, засосало под ложечкой, на лбу выступила испарина, сжало горло, дыхание чуть не остановилось. Федька попытался было что-то произнести, но почувствовал, что сделать это не в силах – язык стал каменеть как во время вызовов в партком. Одна рука лихорадочно потянулась к шее с намерением ослабить галстук и расстегнуть верхнюю пуговицу рубашки, дабы освободить проход к груди остро необходимой порции свежего воздуха. Другая спешно пыталась наполнить водой из графина стоявший рядом стакан. «Эй, дружище, с тобой всё в порядке?» – поинтересовался сидевший напротив и вечно поглощённый изучением каких-то скучных бумаг Игорь Померанцев, недавно произведённый из атташе в третьи секретари. С ним Федька товарищески делил рабочие пенаты в десять квадратов и частенько делился радостями и горестями. Мгновенно прошибла мысль: рассказать, довериться? Но через секунду включился разум, и Славин, стремясь сохранить максимальную видимость душевного спокойствия, не без труда выдавил из себя: «Всё в порядке. Спасибо, Игорёк. Не беспокойся».

Ситуация требовала решительной мозговой атаки. Фёдор Петрович поспешил на посольский двор. К счастью, соратников из сигаретного братства на нём не оказалось, кое-кто уже стал выдвигаться на обед. Поэтому имелся редкостный шанс сосредоточиться, заставить работать серое вещество, напрячь извилины. Первая затяжка любимым «Астором» малость притушила разбушевавшееся внутри цунами. Главный вопрос, который одолевал Славина в тот момент, – насколько серьёзно надлежало воспринимать сенсационное сообщение. Не мистика ли этот гром среди ясного неба? Может быть, феноменальный выигрыш есть не что иное, как оглушительный розыгрыш ушлых сослуживцев? В посольстве обожали этот вид развлечений. Люби-

телей схомить, отчебутить что-нибудь оригинальное было хоть отбавляй. На первое апреля конструировали такие приколы, какие не могли взбрести на ум даже лучшим советским юмористам Славкину с Аркановым. Одного чуть кондрашка не хватила после того, как бедолаге подсунили оформленную на бланке местного МИДа, с печатью и прочими причиндалами: входящий – исходящий, сдал – принял, ноту с объявлением того персоной нон-грата и высылкой из страны в течение 24 часов.

Но сегодня всё же не день смеха. В конце декабря посольство из года в год в едином порыве демонстрировало поголовный, без каких-либо изъятий трудовой энтузиазм. В это время дел по горло хватало всем – требовалось подвести итоги успешной работы, завершить плановые справки, сочинить вдохновляющие отчёты, вымучить аргументированные предложения по курируемому участку на следующий год. Картина всеобщей занятости обычно вырисовывалась только в этот период, когда оперативно-дипломатический состав в целом и каждый из его членов в отдельности старался показать себя ударником коммунистического труда. Вряд ли кому пришлось бы в голову смастерить столь забавную авантюру в предновогодние праздники. Нет, скорее всего послание – действительно не мистификация. И всё же в ближайшие часы стоило бы присмотреться к отдельным сородичам – не умирает ли кто за его, Славина, спиной от смеха?

Фёдора вновь начал пробирать пот. Неужели неожиданный дар неба – на самом деле не сон, а явь? Неужели обделённому пока судьбой Фёдору Петровичу (в 30 лет всё ещё жалкий атташе, хотя в этом возрасте большинство в секретарях ходят, вон и соседа повысили) взаправду привалило счастье? Неужели его, молодого человека, почти на самом старте трудовой деятельности, ей-богу, посетила та самая госпожа удача, которую другие ждут, но так и не могут дожидаться всю жизнь? И почему, почему фортуна возвела на пьедестал именно его, пока ничем не примечательного дипломатического отрока?

На Фёдку внезапно обрушилось желание срочно, здесь и сейчас, заняться арифметикой. Если он и впрямь выиграл, то какую величину составил бы фонд счастья? Допустим, удастся доказать, что иностранные дипломаты не подпадают под местное налогообложение и выполнять упомянутые в письме правила о налоговых вычетах не придётся. С какой, кстати, стати советский человек, да к тому же с дипломатическим паспортом, обязан отстёгивать капиталистическому государству, не испытывающему нищету, часть легально выигранных денег? Месячная зарплата атташе – 1637 денежных единиц. На эту сумму делим выигранный миллион. Получается денежное вознаграждение за 50 лет, 10 месяцев, 3 недели, 5 дней да ещё мелочишка на жвачку останется. А в переводе на крепкие советские рубли цифры эти следовало бы умножать, вероятно, раз в десять. Хватит на всю оставшуюся жизнь или около этого, да ещё и следующее поколение Славиных, возможно, кое-что унаследует. Неплохо, совсем неплохо! И всё же, пожалуй, нехорошая примета вот так сразу, преждевременно, до выяснения всех сопутствующих подробностей приступать к дележу медвежьей шкуры. Вначале, уважаемый и дорогой Фёдор Петрович, надо бы обстоятельно разобраться, действительно ли зверь этот стал твоей добычей или по-прежнему вольготно сосёт лапу где-то в сосновом лесу.

По ходу операций деления и умножения в фёдкином сознании всё рельефнее начал обозначаться масштаб проблем, в круговорот которых, возможно, вовлекло свалившееся на его голову счастье. На инструктаже в ЦК КПСС перед выездом он самолично, собственной росписью обязался вести себя за границей в точном соответствии с установленными партией правилами. А одно из них как раз касалось категорического запрета на участие в разного рода азартных играх и лотереях. Подпадает ли под этот разряд казус Славина, когда некая компания волонтаристски, без однозначно выраженного согласия со стороны клиента злоупотребила его добрым именем, присудив ему главный выигрыш? На первый взгляд – нет. Сам ведь совработник никаких материальных преимуществ не добивался и на лотерейные билеты не тратился. А кроме того в казино не наведывался, к рулетке не прикладывался, основную часть зарплаты

честно отдавал супруге, вовремя платил партийные, профсоюзные и прочие членские взносы и – самое главное – госсекреты идеологическому противнику не выбалтывал. Так какие могут быть предъявлены к нему претензии? Не надо, товарищи, взывать к совести! С совестью – и человеческой, и партийной – у него всё в порядке. Славин мысленно прокручивал возможные ответы на каверзные вопросы, убеждая себя в том, что никаких прегрешений за ним не числится и он вправе претендовать на получение выигрыша. Но, к сожалению, сердце подсказывало, что от миллиона его отделяла, как ни крути, дистанция огромного размера. Преодолеть оную без потерь едва ли удастся.

А может быть, никому ничего не говорить, срочно прибрать шальную наживу к рукам и втихомолку испариться? Впрочем, нет, тайком и быстро не выйдет никак. Тем более семейному человеку. Не бросать же жену и детей, без них невозможно. Это ясно как божий день. Посольским работникам, например, запрещено открывать счета в здешних банках. Заработанное непосильным трудом каждый хранит в сокровенных местах собственного жилища. Так что сообщить запрошенные банковские реквизиты однозначно не получится вследствие отсутствия таковых. Придётся уговаривать компанию выплатить наличными, и бабушка ещё надвое сказала, что этот вариант пройдёт. Но даже если деньги в конце концов окажутся в его руках и представится возможность дерануть куда глаза глядят, то вся эта замысловатая операция так или иначе немедленно раскроется. И вот тогда бывшему атташе советского посольства припомнят всё, что было и – в десятикратном размере – что не было.

Фёдор напряг воображение: измена Родине, бегство на Запад, политическое убежище, заочный секретный суд в Москве, суровый, но справедливый приговор, похищение бывшими коллегами, тайное пересечение государственной границы в багажнике автомобиля с дипломатическим номером, расстрел в Бутырке, жуткий позор для семьи и родственников, жене и детям придётся менять фамилию и место жительства, обличительные статьи в «Литературке» или – не дай бог – в самой «Правде»... Кошмар, армагеддон какой-то... Новоиспечённому миллионеру стало жалко самого себя, незаслуженно униженного и оскорблённого. «Граждане судьи, а ведь я никого не убил и не ограбил, всего-то нежданно-негаданно, но достаточно честно обогатился. Так в чём же преступление, за что наказание?» На глазах выступили слёзы. Находиться в одном постыдном ряду с предателями родины и шпионами враждебных государств его совсем не прельщало... Нет уж, это слишком, он не хриstopродавец, не клятвопреступник и никогда таковым не станет. Решительно и бесповоротно Славин отогнал несуразные мысли. Легализовать законное следует по закону.

Дома на обеде (борщ и сосиски) у него так и чесался язык, чтобы сообщить супруге сногшибательную новость. В конце концов, если разобраться по справедливости, это её выигрыш. Не было бы столь невероятного разворота событий, если бы Наташа не заказывала всю ту чепуху, которая каждый раз приводила к семейным неурядицам. Разумеется, её требуется посвятить, но не сейчас, попозже, вечером, когда внутри него самого уляжется волнение и он сможет что-то предложить. В послеобеденные часы Фёдор то и дело оставлял без присмотра рабочий станок – заваленный газетами стол с раскрытым пустым блокнотом, ножницами и парой шариковых ручек. В мирской тишине, на участившихся перекурах среди родных берёзок на заднем дворике или в пыльной клетушке, заставленной собраниями сочинений классиков марксизма-ленинизма и потому именованной библиотекой, он тщательно обмозговывал последовательность дальнейших шагов.

Среди возможных вариантов фигурировал и самый что ни на есть простой и надёжный – отправить счастливый (или злосчастный?) конверт в мусорное ведро, напроочь забыть о выигрыше, никого ни во что не посвящать, не забивать голову проблемами ни себе, ни другим. Стоит ли овчинка выделки? Однако после скрупулёзного рассмотрения он всё же отверг эту мысль. Да, так оно и есть, шансов выцарапать целый миллион, по всей видимости, набиралось не слишком много. Ну а если убавить аппетит, пойти на компромисс, попытаться приобщиться

хотя бы к частице выигранной суммы? Небольшому бюджету молодой семьи с таким простором искушений вокруг пошли бы на пользу и куда более скромные средства.

Перед выездом в заграникомандировку в родном отделе высотки организовали курсы повышения деловой квалификации. В различных сферах советской жизни в то время получила широкое распространение система наставничества, содержащая немало разумного. Система эта предполагала передачу положительного опыта от старшего поколения младшему. МИД, жизнедеятельность которого на любых этапах истории выстраивалась на основе законов и подзаконных актов, обычаев и нравов большой страны, разумеется, ни в коем случае не мог оставаться в стороне от этого всенародного и общепартийного движения. Практически во всех подразделениях центрального аппарата в обязательном порядке проходили занятия под строгим и неусыпным контролем министерского парткома.

Более опытные и искушённые в премудростях дипломатии коллеги старались научить новобранцев вроде бы несущественным, но в реальной жизни исключительно востребованным элементам профессионального мастерства – как устанавливать связи, вести беседы и их протоколировать, как быстро и грамотно реферировать прессу, как строить публичные выступления и отвечать на провокационные вопросы, как правильно сочинять всевозможные дипломатические документы... К сожалению, вся эта азбука профессии почему-то осталась за скобками институтской программы в МГИМО, не говоря про иные вузы. Поэтому министерство было вынуждено, как это сплошь и рядом происходило во многих других областях государственной жизни, на марше исправлять недоработки образовательной политики, завершая процесс обучения и стыкуя теорию с практикой.

Параллельно с «профучёбой» на Смоленке, как опять же по всем другим адресам Советского Союза, разворачивалась школа «политучёбы». На также обязательных к посещению семинарах «политпросвещения» обычно на все лады перепевалась одна и та же трепетная мелодия о преимуществах советского образа жизни и миролюбивой внешней политике родного государства. В отличие от экзекуции этим граммофоном пропаганды рассказы опытных сослуживцев воспринимались глотком кислорода в давным-давно непроветривавшихся помещениях. Это были чрезвычайно полезные, доброжелательные советы тех, кто был искренне заинтересован в передаче эстафетной палочки в надёжные руки следующих поколений.

Среди тем, поднимавшихся на отдельных инструктажах, начинающему мидовскому работнику Славину запомнились наставления по части ведения переговоров. Этот стержневой элемент науки дипломатии, оказывается, базировался на хорошо знакомых правилах базарной торговли. Ты, например, хочешь за рубль купить огурцы, а продавец предлагает их за два. Начинаешь торговаться, и конечный результат неизбежно установится где-то между этими двумя ценниками. А вот где конкретно, у рубля с 20, 50 или 90 копейками, этот рубеж как раз и будет зависеть от многих факторов. Ключевой – профессиональное мастерство продавца и покупателя, владение искусством предлагать и соглашаться, отвергать и принимать, рисковать и блефовать. Причём в основу переговорной стратегии и тактики должны быть положены чётко выверенные приоритеты, предварительно подвергшиеся взвешиванию на аптекарских весах. Фёдор помнил, что перед началом любого торга следует определить программу-максимум и программу-минимум, наметить маршрут продвижения от первой ко второй посредством грамотно расставленных компромиссов, а также нанести условную красную черту, переступить которую переговорщик, исходя из собственных интересов, не вправе ни при каких условиях.

Принципиальное стратегическое решение – действовать исключительно по правилам, дабы не вступить в конфликт с совестью и законом, – было принято и обжалованию не подлежало. Оставалось обозначить путь следования к намеченной цели. Такие вычурные схемы на большом куске ватмана, напоминавшие что-то среднее между военными картами с изображением дислокации войск и плакатами с наглядной агитацией в стиле художников-авангардистов, обожал посол. Когда-то он трудился в одном из самых престижных подразделений МИД СССР,

исполнявшем роль генштаба министерства, поэтому привык составлять чёткий и поэтапный план действий. На внутрисоветских совещаниях он то и дело, как на своей прежней работе, расчерчивал механизм выполнения любого задания в виде прямоугольников, квадратов, кружочков и многочисленных стрелочек с неизменным изобилием восклицательных и вопросительных знаков, плюсов и минусов, не исключая даже иероглифов из правил дорожного движения (среди последних любимым был «кирпич»). Большинство коллег потешались над этой манерой, в прошлом достаточно распространённой в госаппарате, а Славино она приглянулась. Поэтому в знак почтения перед одним из патриархов советской дипломатии он предпочёл изобразить план предстоящих мероприятий в виде некоего эскиза с понятными ему одному буквами, цифрами и условными знаками.

Вечером после ужина (сосиски и чай), уложив спать детей, Фёдор, наконец, решился. Уткнувшись в телевизор и как бы с безразличным выражением лица он поведал жене, будто в соседнем посольстве, рассказывают, какой-то дипломат выиграл в лотерею миллион. «Не повезло бедняге», – невозмутимо произнесла Наташа. Что-то, а такой скоропалительной реакции супруги он не ожидал никак. На уточняющий вопрос та с ходу разъяснила мужу перспективы развития ситуации. «Выиграть-то он выиграл, да кто ж ему позволит забрать этот случайно доставшийся миллион?». Фёдор был сражён и посрамлён: чтобы прийти к выводу, над которым несколько часов корпел он сам, супруге понадобилась несколько мгновений. Спустя пару минут пришлось раскрыть карты. Жена ахнула и несколько минут крутила, нюхала и проверяла на свет колоритное свидетельство, на котором красовалась родная фамилия. Разумеется, не могла не проехаться по несостоятельной позиции муженька, припомнить, как он на повышенных тонах не раз требовал прекратить руководствоваться стадными чувствами и расторгнуть связи с посылочными проходимцами.

Наконец и Наташа наполнилась тем неопишуемым чувством восторга, которое в подлиннике знакомо только заядлым игрокам. В разговоре за бутылкой вина, извлечённой на свет из запасников по столь радостному поводу, она рассказала, что игромания на протяжении нескольких десятилетий была частью её семейной традиции. Отец покупал по четыре, на всех домочадцев, билета всесоюзной денежно-вещевой лотереи каждого тиража. Дети записывали на этих хлюпеньких листочках пожелания – выиграть пианино «Красный Октябрь», холодильник «Минск» или стиральную машину «Вятка», но счастье от раза к разу, вплоть до ухода отца из жизни, упорно обходило их стороной. Стиралку и пылесос давно можно было приобрести на деньги, потраченные на лотерейные билеты, но родитель продолжал свято и неуклонно верить – в неизбежный фамильный успех и в светлое будущее всей страны. И вот теперь получалось, что двойные предсказания эти начали сбываться – и удача пришла в дом Славиных, и обещанный партией к 1980-му году коммунизм, хотя бы и в масштабе одной-единственной семьи, стучался в дверь, оставалось отворить её нараспашку. За память об отце опорожнились по бокалу доступного для рядового кармана, но вполне достойного продукта местных виноделов.

Несмотря на приподнятое настроение, супруга продолжала весьма пессимистически прогнозировать конечный исход дела. Прикоснуться к этому миллиону, не то что пересчитать, разрешат, с её точки зрения, разве что на пару минут, затем заставят сдать валюту в посольскую бухгалтерию, порядки в этом государстве известны. Тем не менее Наташа также полагала, что побороться хотя бы за часть выигрыша непременно следует. Невезение, говорят, не приходит в одиночку, так, может быть, и удачи ходят парами? Вдруг рассудят по справедливости и позволят взять хотя бы щепотку? Ведь даже удачливым кладоискателям достаётся порядочное вознаграждение! А этот подарок судьбы разве не сродни внезапно обнаруженным сокровищам? Значит, и они имеют все основания претендовать на долю от общего целого, и долю достаточно солидную.

Жена одобрила разработанный Фёдором план, посчитав ключевым, основополагающим его первый пункт – проведение всесторонней экспертизы подлинности письма. Как можно

быстрее надо было удостовериться в том, что выигрыш есть не что иное, как реальный, нефабрикованный результат реальных, невыдуманных процессов, а не подстроенная анонимными прохиндеями афёра. Нельзя, ни в коем случае нельзя было допустить, чтобы семья Славиных опростоволосилась, стала посмешищем в сплочённом посольском коллективе. Вот только каким образом следовало бы подтвердить или опровергнуть истинность всей истории? Искать правду в посылочной компании в эти праздничные дни, конечно, бесполезно. Там, как и всюду, гуляют. На этом этапе, по всей вероятности, придётся ограничиться рамками посольства, посвятив в семейную тайну кого-то из надёжных коллег. С рассуждениями супруги Фёдор согласился. Подозрения насчёт шахер-махерской природы появления неожиданного богатства изначально буравили и его собственную душу. В послеобеденные часы он специально и как бы невзначай прошёлся по основным аренам людского скопления, внимательно вглядывался в сосредоточенные накануне праздников лица, но ничего предосудительного вроде бы так и не обнаружил.

На роль эксперта единодушно решили определить соседа по мужнину кабинету. В представительстве Померанцев считался одним из лучших знатоков местного языка. Иногда он переводил самому послу и периодически привлекался к обслуживанию делегаций высокого уровня из Москвы. Более того, когда возникала необходимость за считанные часы переложить на русский длиннющие тексты, в которых чёрт ногу сломит, и приходилось, ввиду отсутствия на советской дипслужбе класса профессиональных переводчиков, разбрасывать отдельные куски на весь дипломатический персонал (естественно, кроме аристократов-советников), именно этот молодой парень обычно назначался сводящим воедино и вынужденно проверяющим творчество даже более опытных коллег.

Выслушав рассказ Фёдора и порадовавшись собственной интуиции (вчера так правильно распознал неадекватность поведения приятеля), Игорь долго и пристально штудировал ценные бумаги, доставленные в праздничном конверте. Как накануне вечером и федькина супруга, в целях удостоверения идентичности он тщательно ощупывал, вертел со всех сторон, принюхивался и подносил судьбоносный листок к электрической лампочке. Каждое слово письма было подвергнуто всестороннему анализу. Идентичность перевода подтвердили несколько толстенных словарей, приобретённых на скромную зарплату и составлявших гордость главного толмача посольства. Процедура подготовки судьбоносного экспертного заключения периодически прерывалась. В такие мгновения Померанцев напускал на себя вид профессора, принимающего экзамен у незадачливого, обложенного шпаргалками студента, и пристально всматривался в сжавшуюся напротив фигуру.

Накануне Фёдор провёл бессонную ночь, прокручивая в голове всё новые сценарии развития обстановки. Ни один из них, как и предсказывала Наташа, не содержал особо радужных перспектив. Выигрыш начинал откровенно тяготить, и его обладателем стало вновь обуревать желание послать весь этот неосязаемый миллион к чёртовой матери или даже ещё дальше. В глубине души Славин рассчитывал, что перспективный дипломат за соседним столом произнесёт: «Ну, старик, тебя классно накололи. Благодарю меня и Бога, что вовремя раскрыли этот грязный замысел». Ничего подобного, однако, не произошло. Завершив обстоятельную экспертизу, Померанцев задумчиво посмотрел в окно, как-то особенно загадочно усмехнулся, выдержал длинную паузу, затем вышел из-за стола и протянул соседу руку. «Ну, отец Фёдор, искренне поздравляю. Всё чисто. Придаться не к чему. С тебя ужин в самом дорогом ресторане». Подумал и добавил: «И не один».

Следующим этапом Славин напросился на аудиенцию к непосредственному начальнику – советнику и руководителю отдела, в котором официально числился. С шефом он не сработался с самых первых дней командировки. Тот сразу же распознал слабые стороны своего нового сотрудника, но вместо того, чтобы помочь парню освоиться в непривычной обстановке, начал его унижать и притеснять точно так же, как поступал и с другими. В результате непривыкший

к внутривидовым интригам атташе и вовсе опустил руки. Играть с подчинёнными, как с пешками, вносить между ними разлад, сталкивать лбами – едва ли не все в посольстве знали об этом увлекательном занятии многоопытного, в предпенсионном возрасте дипломата. Однако позволить с ним пререкаться считалось себе дороже, ибо главного писателя и аналитика высоко ценил сам посол. Оставалось только ждать благополучного окончания командировки строгого коллеги и стараться не столкнуться с ним в узких посольских коридорах.

Заходить в начальственные покои для Фёдора каждый раз означало подвергаться изощрённым психологическим истязаниям. Некоторое время назад Славин попробовал было при содействии сочувствующего посланника перебраться в другой отдел, махнувшись с кем-либо рабочим местом. Но из этого хитроумного замысла ничего не вышло. Никто из посольской молодёжи не проявил ни малейшего желания горбиться под началом старшего дипломата, который того и гляди мог лопнуть от самодовольства и превосходства над другими, ему подвластными. В принципе Славин мог бы и не информировать руководителя о возникших перипетиях. Но, не дай бог, тот узнает о выигрыше от других, тогда Фёдке окончательно несдобровать, тогда – как в самолёте в зоне турбулентности: пристегивай ремни и молись, несчастный... Так что уж лучше действовать по ранжиру, а не через голову.

Пока лейтенант дипслужбы медленно подбирал подходящие слова, чтобы разъяснить суть дела, дивизионный-полковник своими маленькими, но острыми орлиными глазами словно лазером пытался прожечь подчинённого насквозь. Детскую игру в «гляделки» он давно приспособил на взрослый лад, сделав её частью столь обожаемого им психотеррора. В какой-то момент Фёдору показалось, что на его теле, где-то в области солнечного сплетения, действительно образовалась болезненная рана. К счастью, незаметное ощупывание означенного места правой рукой ничего кровотокающего не обнаружило. По завершении доклада начальник в свойственной ему манере долго пережевывал услышанное, пока не разразился привычной тирадой многоэтажного гнева. Как обычно, особенность руководящих изречений состояла в их яркой выразительности и построении фраз на основе могучего русского сленга. В переводе на общепонятный Фёдору рекомендовалось не пудрить мозги и не морочить голову, шеф в очередной раз предлагал ему отправиться пешком к некоей эротической цели...

Напротив, с интересом восприняли рассказ атташе в верхнем эшелоне посольства. Ни советник-посланник с секретарём парткома, ни представители ведомств, ни сам Чрезвычайный и Полномочный, отдавшие десятилетия верной службы родному отечеству, никогда не слышали, чтобы простому советскому человеку в коварном капиталистическом зарубежье, без году неделя дипломату подфартило столь грандиозным способом. В опробованной до них манере верховные правители читали и перечитывали жёлтенький листочек, вертели и ощупывали прилагавшийся чек. Славин подвергся доброжелательному товарищескому допросу на предмет прояснения мельчайших деталей его контактов с посылочной компанией – когда, что, зачем и почём заказывал, подавал ли рекламации, связывался ли по телефону, вступал ли в переписку, с кем и о чём разговаривал, обращался ли к нему с предложением купить-продать кто-то из местных граждан.

Отдельные участники авторитетного совещания высказали мнение, что в данном случае посольство может иметь дело с наглой провокацией местных, а скорее всего и не без участия ЦРУ, спецслужб. Здешний помешанный на прибылях бизнес, в том числе известная своим мелким мошенничеством посылочная фирма («В прошлом месяце жене прислали платье, которое, как она подозревает, уже кто-то надевал»), вряд ли стал бы разбрасываться столь щедрыми подарками. Драматургия подобных художеств хорошо известна. Вначале обещают миллион, потом угрозы, запугивание, предательство... У Фёдора допытывались, не было ли к нему «подхода», который мог бы дать основания для «разработки». Но ничего подобного Славин, к счастью, не испытал, а если бы, не дай бог, такое случилось, то немедленно доложил бы куда надо, точно так же, как не стал утаивать от кого не надо и свой выигрыш.

Предупреждения о возможных провокациях неприятельских разведслужб, о необходимости соблюдать дисциплину и проявлять бдительность звучали на всех собраниях и совещаниях. Из центра периодически поступала информация о попытках шантажа и вербовки сотрудников в различных странах. Почему сия чаша миновала их родное посольство, кое-кого удивляло, забавляло и наводило на тревожные выводы. Ведь поводов для вражеского окучивания отдельных, морально неустойчивых коллег, по общему мнению, хватало и здесь. Ходили слухи и о периодическом посещении некоторыми значных мест, включая греховодные публичные дома, и о случаях задержания полицией в непристойном виде, и о подпольной продаже в местные увеселительные заведения сигарет и алкоголя, приобретённых по бросовым дипломатическим ценам в посольском кооперативе, да и других захватывающих дух историях. Однако причастных ко всем этим вопиющим фактам (если таковые на самом деле существовали, а не были плодом народного воображения) почему-то не вербовали здешние и не откомандировывали на родину отечественные службы. Ответ лежал на поверхности – администрация и партком были твёрдо убеждены в том, что никакого сора в управляемой ими образцовой посольской избе нет и быть не может, поэтому и выносить за ограду нечего. На радость Фёдору прозрачные намёки на невидимые козни Джеймса Бонда и Ко поддержаны не были.

Внимание присутствовавших привлекли другие, более прозаические аспекты. Умудрённый жизнью посланник допытывался, не содержала ли почтовка каких-либо других вложений, которые могли бы пролить свет на происхождение магического выигрыша. Общими усилиями пытались также расшифровать, что означает цифра «1» на конверте. В конце концов пришли к довольно убедительному заключению – клиентский номер Славина оказался тем счастливым числом, на которое выпал главный приз. Поэтому сотрудник на законных основаниях объявлен победителем, т. е. номером «один», что, очевидно, и решили зафиксировать прямо на обложке торжественного извещения.

Фёдора немного позабавило то, что никто из начальников не вспомнил о правилах поведения сограждан за границей, налагавших абсолютный и безоговорочный запрет на участие в азартных играх. Верхний и самый закалённый эшелон заграничных кадров, очевидно, не знакомили под расписку с соответствующей инструкцией, как всех остальных. Обстоятельные прения выявили потребность подготовки незамедлительного доклада в центр. А вот в каком ракурсе сочинять донесение, об этом, настоятельно призвал посол, надлежало бы потолковать дополнительно. Необходимо, мол, нащупать новые, незалежалые подходы.

Призыв верховного руководителя особенно близко принял к сердцу прежде всего сам счастливчик. Переборцов страх, сопровождавший любое его появление в грозной комнате, Фёдор решился на конфиденциальный разговор с лидером партийной организации. На сей раз, к счастью, беседа с самого начала приняла исключительно конструктивный оборот, и не без причины. Член партии, атташе Славин высказал любопытное предложение. Если бы ему разрешили принять выигрыш, то он проявил бы готовность направить часть средств на общественные нужды – посольства, партийной или профсоюзной организации, женсовета или школы, вообще на любые цели, которые партком сочтёт первоочередными и благородными.

Соображения Славина показались секретарю весьма свежими и разумными. Что-то подобное приходило в голову и ему самому. Как раз такой здравый элемент прямо просился в будущую телеграмму, укрупнял её содержательность, снимал напряжение, расширял основу для принятия последующих решений. Главный коммунист посольства, ещё недавно нервно распекавший молодого дипломата за недостаточно инициативную работу, вытер пот со лба, прокашлялся и, немного поёрзав на стуле, доброжелательно попросил прояснить, о какой сумме могла бы идти речь. Фёдор не задумываясь озвучил загодя вычисленную им цифру в четверть миллиона д.е., примерно равняющуюся месячному фонду зарплаты всего персонала посольства.

Идея разделить славинский миллион на две части, общественно-полезную и частнособственническую, пришлась по нраву и советнику-посланнику, к которому прибежал советовать секретарь парткома. В принципе такой вариант действительно просился в проработку. Однако предложенную пропорцию дележа заместитель посла, частенько исполнявший функции временного поверенного, категорически отказался признать удовлетворительной. Выносить её на суд центра в означенном виде было бы самоубийственно и для посольства. Надо не возмущать, а сглаживать, не волновать, а успокаивать. Как отреагирует Москва, если ей предложат кукиш с маслом? А именно так, не более, и будет восприниматься четвёртая часть миллиона. Да и рассудите сами. Славин ведь, согласитесь, – не рядовой клиент торгового предприятия. Соответствующие возможности заказывать товары и вследствие этого стать невольным участником лотереи он приобрёл исключительно благодаря выезду в заграничные командировки. Стало быть, посольство следует рассматривать в качестве равноправного победителя пресловутой лотереи. Да ещё неизвестно, какие проблемы возникнут в процессе получения денег и их налогового освобождения. На кого Славин будет опираться? Конечно, на советскую власть. Поэтому посольству по праву должна принадлежать половина от всей суммы выигрыша. Формула «50 на 50» существенно облегчила бы принятие непростого решения и центру.

В школьном возрасте Фёдке нравилось выступать со сцены. Руководительница драмкружка советовала ему даже попытать счастья на театральном поприще. Будучи приглашённым в кабинет посла на очередной тур доверительной дискуссии, он всеми силами старался воскресить былые артистические способности, дабы воочию продемонстрировать присутствующим, сколь мучительно больно даётся ему согласие разделить выигрыш на две равные доли. В действительности настоятельная рекомендация руководства пойти на компромисс никакой смуты в душе атташе не вызвала и вызвать не могла, поскольку отход на означенную позицию изначально фигурировал одним из пунктов в собственноручно разработанной концепции переговоров.

Посол с удовольствием выслушал безусловно осмысленное и грамотное решение сотрудника пойти навстречу и даже похвалил того за правильное понимание установок партии и правительства («Другого мы и не ожидали. Товарищ Славин проявил политическую зрелость. Надо бы подумать о перспективах служебного роста Фёдора Петровича»). Посланнику поручалось безотлагательно приниматься за подготовку шифровки в Москву. Вместе с тем, продолжил мысль руководитель, прежде чем её отправлять, желательно предварительно посоветоваться с центром на неформальной основе, чтобы, не дай бог, не попасть впросак.

В те годы мудрую практику заблаговременного согласования с центром некоторых информационных сообщений взяли на вооружение многие заграничные представительства, в особенности самые крупные и значимые, возглавлявшиеся членами центральных партийных органов. Предводитель нашего посольства также имел высокую честь принадлежать к элитарному клубу членов Центральной ревизионной комиссии КПСС. Ему, зубру советской дипломатии, всю жизнь проработавшему в мидовской системе, было хорошо известно, с каким раздражением воспринимаются некоторые пессимистические для судеб социализма депеши на Смоленской и, в особенности, Старой площади, в аппарате ЦК. Посол причислял себя к пламенным борцам с разлагающимся империализмом. На своём дипломатическом уровне он всеми силами старался приблизить всепланетарное торжество идей Маркса-Энгельса-Ленина, окрашенных в его представлении в красный цвет. В дополнение к чёрному «мерседесу», на котором он разъезжал по официальным поводам, по его требованию был приобретён «мерседес» цвета красного знамени, возможно, единственный во всей стране. Зато и вся страна знала о маршрутах передвижения главного представителя страны Советов. Будучи прирождённым материалистом, он и помыслить не мог о том, чтобы однажды интерпретировать внешнюю и внутреннюю политику государства пребывания иначе, чем это сделано в докладе Генерального секретаря ЦК КПСС или хотя бы родного министра. Поэтому он, как и другие коллеги его уровня, перед

отправкой бумаг обычно тщательно размышлял, какую реакцию они произведут в центре, не скажется ли возможный негативный эффект на репутации посольства и, что было равнозначно, его собственной.

Ради дела приходилось, конечно, информацию эту аналитическую и закрытую – о текущей обстановке, о восприятии миролюбивых советских инициатив, да и о кое-чём другом – немного припудривать, подретушировать, чтобы она произвела впечатление получше, выгоднее. Но никаких элементов конформизма, лицемерия и лжи такая выработанная жизнью и неплохо зарекомендовавшая себя традиция, разумеется, не содержала – просто сердце дипломатии билось и трепетало в одном ритме со всей великой страной. В данном конкретном случае, по указанию посла, следовало бы также запросить товарищеские рекомендации ряда компетентных отделов министерства на предмет того, какие аспекты в телеграмме стоило бы высветить, а какие затенить.

Сегодня, в эру новейших информационных технологий с её хакерами и викиликсами, факсами, скайпами и прочими наворотами, абсолютно невозможно представить повседневный обмен мнениями между центральным и загранаппаратом той эпохи. Вся секретная или по меньшей мере доверительная информация оперативного характера, какая в принципе и составляет основу работы любого диппредставительства, в то время могла передаваться исключительно шифрованными каналами специальной радиосвязи, как делалось это ещё при Штирлице («Алекс – Юстасу», и наоборот). Не требовавшие немедленного заключения сухие, формальные бумаги направлялись в центр диппочтой, курсировавшей, как правило, раз в месяц или того реже. Оттуда аналогичным путём приходили такие же нудные и скучные документы, чаще всего напоминавшие выдержки из отчётных докладов Генерального секретаря ЦК КПСС.

А вот проконсультироваться с центром по животрепещущему, не терпящему отлагательства вопросу составляло ещё какую проблему! Мобильники или ныне обыденная спутниковая связь не существовали в природе, а стационарные телефоны дипломатических представительств везде и всюду прослушивались круглосуточно, как это и предполагал джентльменский принцип взаимности. Более того, нынешний автоматический набор советских номеров из капиталистической заграницы стал доступен лишь к середине 80-х. А до той счастливой поры надо было, как и в почтовых отделениях на родине, заказывать разговор с Москвой через телефонистку, ожидать какое-то время установления связи и вести затем доверительную беседу в компании с заинтересованными слушателями со стороны.

В разговорах с родными и друзьями сие обстоятельство сотрудников посольства не смущало, ведь касались они преимущественно дел частных, семейных, государственных тайн не раскрывающих. Если кого-то из местной контрразведки интересовали бытовые сплетни: кто женился, развёлся, сходил налево, стал одинокой матерью – да ради бога, пусть слушает и записывает, чуть-чуть неприятно, но что поделать – специфика образа жизни, привыкли. А представьте себе, каким уровнем эзопового языка надо было владеть, чтобы проконсультироваться по неким пикантным вопросам! Отдельные смекалистые представители по ту и другую сторону телефонного провода возомнили, будто изучили эту китайскую грамоту вдоль и поперёк, поэтому болтали не стесняясь и, случалось, выбалтывали порой явно лишнее, но других путей коммуникации просто не было.

К счастью, за десятилетия работы в МИДе посланник приобрёл бесценный опыт общения с помощью иносказательных выражений, поэтому ему удалось относительно успешно разъяснить суть проблемы и озадачить нужных людей коварными вопросами. Через некоторое время в посольство поступили первые итоги наспех проведённого расследования. Главный вывод – тема, затрагивающая посторонние доходы сотрудников заграничных учреждений, закрыта, надумана и нежизненна. Прецедентов фактически нет. Правда, несколько лет назад добродушный и состоятельный гражданин одной европейской страны оставил в наследство сотруднику посольства виллу стоимостью в сотни тысяч долларов (незадолго до кончины они познакоми-

лись на каком-то приёме, и молодой русский парень поразил того своими энциклопедическими знаниями). Дипломата удалось убедить отказаться от подарка.

Кроме того, известны единичные случаи дарения сотрудникам материальных ценностей. Среди них велосипеды, ковры, мотоциклы, предметы искусства, мебель и даже автомобиль. Как правило, все эти знаки внимания поступали в доход государства и принимались на баланс соответствующих представительств. По некоторым сведениям, в числе принятых от иностранцев подарков могли значиться также изделия из драгоценных металлов и дорогостоящие часы. Однако ни одного достоверного подтверждения этим предполагаемым фактам в министерстве не зафиксировано, поэтому проверки не проводились. Что касается непосредственно запроса: история с миллионом могла бы заинтересовать, если посольство представит развёрнутые и аргументированные предложения. В сугубо неофициальном плане посольству рекомендовали не душить и не пытаться представить идиотами людей в центре, выдвигая смехотворную пропорцию «фифти-фифти». На общественные цели следовало бы отвести минимум три четверти от всей суммы, а возможно, и более того.

Слова «а возможно, и более того» прозвучали для искушённого в аппаратных интригах главы посольства приказом. Славин был внутренне готов к тому, чтобы пожертвовать в общественную казну три четверти выигрыша. 250 000 он рассматривал той чертой с красным флажком, заходить за которую желания у него не возникало. Поэтому когда из уст посла прозвучал роковой вердикт – ему должны остаться всего сто тысяч, он в глубине души содрогнулся и едва сдержал наворачнувшиеся на глаза слёзы. Однако высказывать инакомыслие ситуация не позволяла, даже мельчайшей свободой манёвра Фёдор не располагал, другого пути, кроме как дать согласие, не просматривалось. Аккуратно вычерченный план действий покотился в тартарары. Оставалось отдаться в руки фортуны и ждать её следующего зигзага. Вечером несостоявшегося миллионера утешала супруга. Она честно призналась в том, что рассчитывала на ещё более мрачные результаты. Согласно её пророчеству, родное государство должно было оставить им не более десяти тысяч. А сто – это тоже целое состояние, так что надо не печалиться, а радоваться и радоваться.

Этим же вечером на стол посла лёг проект секретной шифровки. «Докладываем, что несколько дней назад атташе посольства тов. Славин Ф.П. (в командировке с октября 1977 г.) получил письмо из посылочной фирмы X, где неоднократно заказывал разнообразные хозяйственные товары будничного назначения. На вышеуказанном предприятии с согласия руководства и партийной организации обслуживался практически весь штатный состав посольства. Целесообразность обращения в вышеуказанную компанию была обусловлена тем, что она на относительно выгодных условиях предлагала преимущественно качественные товары ассортимента, недоступного в обычных магазинах. Одним из мотивов делового взаимодействия с вышеуказанной организацией стал помимо этого тот факт, что она до сих пор не была замечена в разнuzданных антисоветских проявлениях, имевших здесь место в последнее время (посольство докладывало). В пользу осуществления заказов именно на вышеуказанной фирме высказались также представители конструктивно настроенных в отношении Советского Союза сил, с которыми посольство поддерживает дружеские отношения. Более того, руководство вышеуказанной компании ранее выходило на наше торгпредство с инициативой стать поставщиком ряда товаров для нужд Московской Олимпиады (посольство докладывало).

В вышеуказанном письме сотрудник уведомлялся о том, что стал победителем некоей лотереи, проводившейся среди клиентов фирмы, но без его согласия, что зафиксировано объяснительной тов. Славина Ф.П. Сумма вышеуказанного выигрыша составила 1 000 000 (один миллион) денежных единиц государства пребывания. В целом по работе тов. Славин Ф.П. характеризуется положительно. Принимает участие в подготовке справочно-информационных материалов. Морально устойчив. Государственную тайну хранить умеет. Ранее избирался в члены месткома. Ответственно подходит к выполнению поручений парткома. Среди жён

дежурных комендантов ведёт кружок политпросвещения. В нарушениях правил и норм поведения сограждан за рубежом замечен не был. Алкогольными напитками не злоупотребляет. Хороший семьянин, имеет двоих детей дошкольного возраста. Супруга привлекается к проведению общественно-политических мероприятий.

Возникшая вследствие вышеуказанного выигрыша ситуация обстоятельно, в духе партийной принципиальности и открытости рассматривалась членами парткома и руководством посольства. При этом тов. Славин Ф.П. проявил должный гибкий подход и партийную зрелость. С сознанием исполненного долга он вышел к руководству посольства со следующим предложением. В случае, если центр даст разрешение на принятие вышеуказанного выигрыша, сотрудник искренне хотел бы направить 90 процентов вышеуказанной суммы на удовлетворение ряда созидательных потребностей посольства и его партийной организации, а также, если это будет сочтено более целесообразным, на нужды МИД СССР и его парткома. Вышеуказанное предложение считаем в целом приемлемым. Среди возможных областей использования вышеуказанных средств первоочередного порядка применительно к нашему сзу полагаем целесообразным, если это будет сочтено приемлемым, отремонтировать кровлю остро требующей капитального ремонта крыши посольской школы (ранее неоднократно докладывалось, ориентировочная стоимость работ – ок. 137 тыс. д.е.), а также приобрести для ряда семей персонала посольства остро необходимые предметы мебели, прежде всего кровати, матрасы и платяные шкафы, на замену пришедшим в негодность (ранее докладывалось, ориентировочная потребность первоочередного порядка оценивается в 94 тыс. д.е.). Кроме того, предложили бы ок. 8 тыс. д.е. направить на работу по совершенствованию системы политучёбы в посольстве (приобретение оборудования и средств наглядной агитации и пр.). Прошу рассмотреть и о результатах ориентировать».

Чрезвычайный и Полномочный читал и перечитывал эскиз заготовки. Вроде бы всё изложено толково, ёмко и лаконично. Вот только как отнесутся к этим строчкам в центре? Строгое и неуклонное следование спущенным сверху установкам уже девятый год уберегало патриарха от завершения миссии в качестве посла, хотя соседей, позволявших вольности, заменили кого на седьмом, а кого даже и на пятом году (был один такой анекдотичный случай). Опыт и интуиция подсказывали, что телеграмму требовалось дополнить каким-то оригинальным предложением, способным произвести эффект и в любом случае привлечь внимание. Идея, которую посол решил вынести на рассмотрение, крутилась в его голове весьма давно. С её реализацией он связывал радужные перспективы своего трудоустройства на родине по возвращении в Москву через годик-два (максимум три). Разработанный им самолично проект был чрезвычайно актуальным и многообещающим, но поставить его ребром перед центром никак не получалось ввиду недостаточной материальной проработанности. Теперь, кажется, всё срасталось, и вперёд смотрящий капитан одного из флагманов советской дипломатии чистосердечно вписал в подготовленный проект заветную мысль.

Простыми, но душевными словами посол пытался донести до центра, какие неповторимые ощущения у него лично и всего персонала посольства вызвало изучение трилогии Генерального секретаря ЦК КПСС Л.И. Брежнева. Вслед за вождём он испытывает чувство великого счастья от того, что всегда был и остаётся верным солдатом славной партии, созданной и выпестованной В.И. Лениным. В этой связи член ЦРК предлагал направить четверть выигранного посольством миллиона на пропаганду за рубежом выдающегося произведения советского руководителя, продвижение которого в трудовые массы капиталистических государств всячески торпедируется оголтелыми крестоносцами пещерного антикоммунизма. Благодаря внесённому послом маленькому, но весьма существенному дополнению шифровка приобрела, наконец, требуемую степень совершенства, засверкала яркими красками и той же ночью покинула посольские стены, дабы утром следующего дня приземлиться на самых ответственных столах высотки на Смоленской площади.

Между тем слух о том, что один из соплеменников сказочно обогатился, каким-то неизвестным образом распространился по всему посольству. Источниками этой закрытой информации, разумеется, не могли быть ни руководители, ни работники узла связи, свято оберегавшие свою немоту. Клялся и божился, что лишнего не сболтнул, сосед по кабинету. Но так или иначе – о рождественском сюрпризе прознали, и с этим фактом отныне приходилось считаться. Взбудоражилось всё посольство. Даже сверстники из детского сада тайком сообщили младшим Славиным, что их папа раскопал клад какого-то графа Монтекристо и теперь собирается мстить своим обидчикам.

Коллектив раскололся. Одни, подбадриваемые своими лучшими половинами, настоятельно советовали отмежеваться от непристойного подарка. В то время, когда угнетаемые капиталом трудовые массы подвергаются нещадной эксплуатации, еле-еле сводя концы с концами, честному советскому гражданину негоже уподобляться «грабящим прибавочную стоимость» буржуйам, которых ещё великий Карл Маркс «за руку поймал с поличным». Ну а уж если заставят брать, то надо по-честному, по-коммунистически или разделить миллион на всех или всю сумму направить в общественные фонды – посольства, министерства или других уровней. Раздавались голоса с требованием созвать общее партийное собрание и решить судьбу аморального выигрыша большинством голосов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.